

На правах рукописи

Прокопьева Лилиана Борисовна

М.Н. МУРАВЬЕВ И АНТИЧНОСТЬ
(ГОРАЦИЙ И ВЕРГИЛИЙ В ПЕРЕВОДАХ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ)

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск-2010

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы филологического факультета ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Эмма Михайловна Жилиякова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Ирина Александровна Айзикова

кандидат филологических наук
Вера Александровна Красман

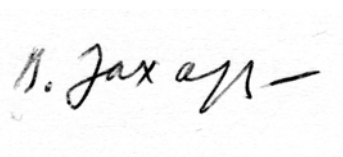
Ведущая организация: НОУ ВПО Российский новый университет (Москва)

Защита состоится 8 декабря 2010 года в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (634050, г. Томск, пр. Ленина, 36).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (г. Томск, пр. Ленина, 34а).

Автореферат разослан октября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, профессор

Л.А. Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В 90-ые годы XX и в начале XXI веков возрос интерес к творческому наследию Михаила Никитича Муравьева (1757-1807 гг.), результатом чего стало появление значительного числа статей, диссертационных работ и монографических исследований, посвященных изучению литературного творчества, исторических, философских взглядов, педагогической системы писателя и видного деятеля русской культуры конца XVIII – начала XIX веков.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена интересом современной филологической науки к проблемам диалога культур и вопросам рецептивной эстетики и переводоведения.

М.Н. Муравьев – одна из самобытнейших фигур русского Просвещения, человек универсального дарования, оказавший влияние на развитие словесной культуры рубежа веков. Поэт, прозаик, переводчик, историк, философ, государственный и общественный деятель, он заложил основы новых для русской литературы жанров, став предвестником русского сентиментализма, воспитателем будущего императора Александра I, попечителем Московского университета, товарищем министра народного просвещения, оставил после себя таких гениальных последователей, как Н.М. Карамзин, К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский. Достоверно известно, что творчество М.Н. Муравьева высоко ценили Г.Р. Державин, А.С. Пушкин.

Время М.Н. Муравьева (конец XVIII – начало XIX веков) – переломный период в истории мировой и русской культуры, когда сошлись две системы: классицизм и сентиментализм – и обе обратились к античности. Влияние античности на литературный процесс этого времени огромно. Классицисты нашли в античности те правила и образцы, которые были родственны их собственным литературным дидактическим задачам (культ разума, гражданственности, общественной пользы, просветительства). Сентименталисты обратили внимание на эмоциональный строй античной литературы, на проблему «чувствительного человека».

Истоки литературных, культурных, исторических, философских взглядов М.Н. Муравьева – в античности. По его словам, «нет ни одной черты величественного и чудесного стихотворства, которая не была бы в сокровищнице древних <...>»¹. М.Н. Муравьев трактует античность как базис человеческой цивилизации, как источник для созидания человека, понимания коренных основ человеческого духа, движений человеческого ума и сердца. Хорошо зная древнегреческий и латинский языки, М.Н. Муравьев изучал античное наследие по первоисточникам, минуя какие-либо переложения. Свой опыт прочтения античности этот великий просветитель изложил в большом количестве статей, в стихах и прозаических произведениях. М.Н. Муравьев считал знание античности критерием образованности, просвещенности человека, видел в цивилизации Древней Греции и Рима ценностные ориентиры во всех областях жизни: в науках, культуре, искусстве, принципах существования. М.Н. Муравьев-педагог рассматривал античность как совершенную модель, на которой следует учить общечеловеческим идеалам подрастающее поколение, поэтому именно на примере античной истории, фило-

¹ Сочинения Муравьева. СПб., 1847. Т. II. С. 361.

софии, науки, литературы он воспитывал будущего императора Александра I, мечтая вырастить просвещенного монарха.

Особое место в круге интересов М.Н. Муравьева занимала римская поэзия, в частности Гораций и Вергилий. Это обусловлено тем, что в поисках художественного воплощения магистральной темы самосовершенствования личности римская поэзия оказалась для М.Н. Муравьева наиболее актуальной в утверждении теории воспитания, которую позже он назовет нравоучением.

М.Н. Муравьева привлекала поэзия и жизненные принципы Горация. Он обращался к работам и других античных авторов (Гомера, Сапфо, Анакреонта, Вергилия, Тита Ливия, Петрония), но из Горация переводил более всего. В первый сборник М.Н. Муравьева «Переводные стихотворения», изданный в 1773 году, вошли переводы четвертой оды книги I «К Люцию Сексту Консулярному», девятой оды книги III «К Лидии», восемнадцатой оды книги III «К Фавну», четвертой оды книги IV, возвращался он к одам Горация и в 1774, 1775, 1776 годах и позже, около 1789 и 1790 годов. Это говорит об устойчивом интересе М.Н. Муравьева к творчеству римского поэта на протяжении всей жизни.

Особое отношение к Горацию проявилось и в отзывах, черновых записях М.Н. Муравьева. Неоднократно он называет римского поэта гением, законодателем и образцом вкуса², а в «Разговорах мертвых» устами Кантемира дает восторженную оценку творчеству Горация. М.Н. Муравьев столь же трепетно относился и к Вергилию (70 – 19 гг. до н.э.), старшему современнику Горация, который вошел в мировую литературу как автор сборника «Буколики», дидактической поэмы «Георгики» и эпической поэмы «Энеида». М.Н. Муравьев называл его в «Эмилиевых письмах» (1790 год) «главой стихотворцев римских»³. Интерес к творчеству Вергилия носил у М.Н. Муравьева и мировоззренческий, и эстетический характер. Читая поэта в подлиннике, М.Н. Муравьев отмечал нежность его «Буколик», дидактизм в сочетании с лиричностью «Георгик», высокий патриотизм, гражданственность и чувствительность автора «Энеиды».

Впервые к серьезному изучению творчества М.Н. Муравьева в 30-ые годы XX века обратилась Л.И. Кулакова. Ее многолетняя работа в этом направлении привела к выходу первого сборника стихотворений и переводов М.Н. Муравьева в 1967 году. Вопрос о месте и значении М.Н. Муравьева в русской литературе поставлен в трудах Г.А. Гуковского, П.А. Орлова, Н.Д. Кочетковой, Ю.Д. Левина, В.А. Западова. Отдельные аспекты творческого наследия М.Н. Муравьева рассмотрены в статьях И.З. Сермана А.Л. Алехиной, А.Н. Брухановского, Р.М. Лазарчук, Э.М. Жиликовой, А.Л. Зорина, В.Д. Левина, Г.В. Морозовой, Л.Ф. Луцевич, Л.И. Резниченко, Е.П. Сергеевой, Л.Н. Душиной, И.Ф. Мартынова. В 80-ые-90-ые годы XX века по прозе М.Н. Муравьева была защищена диссертация И.Ю. Фоменко, по поэзии – С.А. Сионовой и А.Н. Пашкурова. Интерес к творчеству М.Н. Муравьева проявляют зарубежные исследователи Л. Росси и М. Тетени.

Важным этапом в изучении творчества М.Н. Муравьева стал выход в свет с 2001 по 2007 год трех томов монографии В.Н. Топорова «М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие», посвященных многообразной деятельности этого пи-

² См.: Сочинения Муравьева. СПб., 1847. Т. I. С. 148, 297 ; Т. II. С. 239.

³ Сочинения Муравьева. СПб., 1847. Т. I. С. 142.

сателя: драматургии, прозе, поэзии, переводам, месту поэтического наследия М.Н. Муравьева в развитии русской поэзии XVIII века. В третьей книге в разделе «М.Н. Муравьев и античность» В.Н. Топоров рассматривает, в частности, переводы М.Н. Муравьева из Горация («К Фавну», «К римскому юношеству», «К Меценату», «К Талиарху», «К Люцию Сексту», «К Лидии», ода IV, 9) и Вергилия (начало первой эклоги «Буколик» и отрывок из шестой книги «Энеиды»).

Вместе с тем вопрос отношения М.Н. Муравьева к античности, рецепции античности в оригинальном творчестве писателя, переводная деятельность М.Н. Муравьева изучены еще далеко не полно. В частности, системно не анализировались переводы М.Н. Муравьева из Горация и Вергилия, не до конца освещено влияние этих античных авторов на поэзию и прозу одного из первых сентименталистов в русской литературе XVIII века.

Объектом диссертационного исследования стали одиннадцать переводов М.Н. Муравьевым античных авторов: девяти – из Горация и двух – из Вергилия, а также поэзия и проза М.Н. Муравьева. **Предмет** данного исследования – комплексный анализ переводов М.Н. Муравьева из Горация и Вергилия, переводческая деятельность М.Н. Муравьева как писателя переходной эпохи, влияние античности на оригинальное творчество поэта и прозаика.

Цель диссертационной работы – выявление своеобразия поэтики переводов М.Н. Муравьева в аспекте традиций классицизма и поэтики формирующегося сентиментализма, исследование рецепции мотивов Горация и Вергилия в оригинальном творчестве М.Н. Муравьева.

В соответствии с поставленной целью определены следующие задачи:

- 1) проанализировать семантические, смысловые, стилистические, ритмико-метрические параметры переводов М.Н. Муравьева из Горация и Вергилия;
- 2) обозначить влияние античных авторов на оригинальное творчество М.Н. Муравьева путем сравнительно-сопоставительного анализа наиболее репрезентативных фрагментов произведений;
- 3) выявить художественное своеобразие переводов М.Н. Муравьева из Горация и Вергилия.

Методологическую и теоретическую основу исследования составляют труды по проблемам компаративистики, переводоведения и диалога культур М.П. Алексеева, М.М. Бахтина, В.М. Жирмунского, Ю.Д. Левина, Ю.М. Лотмана, А.В. Михайлова, П.М. Топера, В.Н. Топорова, работы по истории русской литературы XVIII века И.Б. Александровой, В.С. Баевского, Г.А. Гуковского, Н.Д. Кочетковой, О.Б. Лебедевой, Р.М. Лазарчук, П.А. Орлова, В.И. Федорова, труды по античной литературе С.С. Аверинцева, В.Г. Боруховича, М.Л. Гаспарова, В.С. Дурова, Т.Г. Мальчуковой, А.А. Тахо-Годи, И.М. Тронского, В.Н. Ярхо.

Научная новизна настоящей работы заключается в следующем:

- 1) систематизирован и проанализирован с точки зрения современной методологии уникальный материал – одиннадцать переводов М.Н. Муравьева античных авторов: девять из Горация и два из Вергилия;
- 2) предпринято комплексное изучение переводов М.Н. Муравьева из Горация и Вергилия;
- 3) обозначено своеобразие переводческой деятельности М.Н. Муравьева, отразившее диалог классицизма и сентиментализма;

4) исследовано влияние Горация и Вергилия на оригинальное художественное творчество М.Н. Муравьева и его современников.

Теоретическая значимость работы определяется системным целостным осмыслением восприятия М.Н. Муравьевым наследия Горация и Вергилия в аспекте рецептивных и переводческих стратегий русской словесной культуры рубежа веков.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования ее основных положений и полученных результатов при подготовке лекционных курсов, спецкурсов и спецсеминаров по творчеству М.Н. Муравьева, по теории, практике и истории художественного перевода, а также в исследованиях по компаративистике и в эдиционной практике.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования изложены в виде докладов на конференциях: XIX Международной научной конференции «Язык и культура», посвященной 130-летию Томского государственного университета (Томск, 17-20 октября 2007 г.), 5-ой Международной научной конференции «Проблемы истории древнего мира и раннего средневековья» (Алматы, 29 марта 2008 г.), XX Международной научной конференции «Язык и культура», посвященной 130-летию Томского государственного университета (Томск, 21-24 мая 2008 г.), VI Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания» (Томск, 17-19 сентября 2008 г.), международной научно-практической конференции «Традиции и инновации в лингвистике и лингвистическом образовании» (Томск, 23-24 октября 2009 г.), обсуждались на заседаниях аспирантского семинара кафедры русской и зарубежной литературы ТГУ под руководством доктора филологических наук, профессора Э.М. Жиляковой.

Содержание диссертации отражено в 9 публикациях.

Структура и содержание работы. Текст диссертационного исследования состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка, включающего 201 наименование. Основной текст изложен на 202 с.

Положения, выносимые на защиту:

1) Своеобразие переводов М.Н. Муравьева из Горация и Вергилия обусловлено переводческими и рецептивными стратегиями М.Н. Муравьева и закономерностями художественного развития русской литературы конца XVIII – начала XIX веков.

2) Органичность усвоения М.Н. Муравьевым наследия античности и значимость традиций Вергилия и Горация для оригинальной поэтической и прозаической деятельности М.Н. Муравьева связаны с духовной близостью русского и римских поэтов в вопросах мировосприятия, философии, этики и эстетики, объединенных проблемами нравственного совершенствования личности.

3) Содержание и эволюция переводов М.Н. Муравьева отражают процесс развития русской литературы от классицизма к сентиментализму.

4) Работа над переводами из Горация и Вергилия в большой степени оказала влияние на содержание поэтического творчества М.Н. Муравьева, на поэтику его «Эмилиевых писем», «Обитателя предместия» и философско-публицистической прозы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность работы, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются объект исследования, его цели, задачи и методологические основы, излагается история вопроса, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «М.Н. Муравьев и Гораций» посвящена анализу переводов М.Н. Муравьева семи од, двух фрагментов из сатиры II, 2 Горация в контексте художественно-эстетического развития русской литературы конца XVIII – начала XIX веков и выявлению влияния поэзии Горация на оригинальное творчество М.Н. Муравьева.

В первом параграфе – *«Философско-нравственная концепция жизни в творчестве М.Н. Муравьева и Горация»* – анализируются переводы М.Н. Муравьева произведений Горация на морально-философскую тему: четвертая ода книги первой «К Люцию Сексту Консулярному» (1773 год), девятая ода книги первой «К Талиарху» (1776 год), одиннадцатая ода книги первой «К Левконое» (1776 год). В 1789 году переводы двух отрывков из шестой сатиры книги второй завершают этот ряд работ.

К 1773 году (времени первого перевода М.Н. Муравьева из Горация) к нравственно-философской проблематике обращались уже В.К. Тредиаковский («Парафразис псалма 143», 1744 г.), А.Д. Кантемир (сатира VI «Об истинном блаженстве», 1738 г.), А.П. Сумароков («На суету человека», 1759 г., «На суету мира», 1763 г.). Такая литературная традиция и интерес к этому направлению творчества Горация объясняют обращение М.Н. Муравьева к вопросам смысла жизни, добра и зла, счастья и истины.

Четвертая ода книги первой Горация, написанная в форме обращения к Люцию Секстию, – философское произведение античного автора, в котором он выступает как проводник эпикурейских взглядов на жизнь, рассуждая о человеческой жизни, ее кратких радостях и неизбежности смерти.

Перевод этой оды – первая работа в данной области начинающего путь в литературе М.Н. Муравьева. Знаменательно, что первый же перевод из Горация – на одну из знаковых тем в творчестве римского автора, к ней М.Н. Муравьев будет возвращаться и в своей оригинальной лирике, и в переводах. Несмотря на популярность Горация как переводного автора в русской литературе XVIII века, его четвертую оду книги первой до М.Н. Муравьева не переводил никто.

М.Н. Муравьев сохранил в переводе композицию, все ключевые образы и эмоциональный план первоисточника. И ода, и ее перевод начинаются с описания примет наступления весны, особенно радостной после холодной, суровой зимы. Оба автора рисуют эту картину в радостных, приподнятых тонах. Такое же внимательное отношение к первоисточнику заметно и далее в переводе М.Н. Муравьева, когда он, не адаптируя в традициях перевода XVIII века античный текст, сохраняет мифологическую картину расцветающей весны: на поля выходит Венера с нимфами, танцуют грации, а Вулкан с циклопами работает в своей мастерской. Однако вслед за радостной картиной прихода весны следуют традиционные для Горация размышления о смерти, которая уравнивает и бедных, и богатых. А раз жизнь так коротка, то и не стоит загадывать надолго. Такое движение мысли ан-

тичного автора точно передается в переводе М.Н. Муравьева. Заканчивается ода мрачно: тема смерти развивается, нагнетается. Затем описываются те радости жизни, которых лишается умерший человек (это вино и любовь), и в этом моменте единственный отход М.Н. Муравьева от оригинала: он отражает в переводе тему вина (*В пирах ты будешь заседать*), а любовная тематика целомудренно обходится, ее заменяют более обобщенные забавы и беседы (*Не будешь боле забавляться, // Царем беседы нарицаться*).

Кроме передачи композиционного и содержательного плана оды Горация, заметно стремление М.Н. Муравьева отразить в своем переводе и художественную составляющую произведения античного автора, за счет чего и создается эмоциональное сходство оригинала и перевода. Например, описание любимой Горацием сельской жизни (1-4 стихи) передано М.Н. Муравьевым так же радостно, приподнято и семантически близко к первоисточнику, так как многие художественные приемы римского поэта заменены синонимичными:

Ода Горация:

1Solvitur acris hiems grata vice veris
<...>

4Nec prata canis albicant pruinis⁴.

Подстрочный перевод:

1Кончается суровая зима с радостным возвращением весны <...>

4И луга серебристым не белеют инеем⁵.

Перевод М.Н. Муравьева:

1Зимы упругость уступает,
2Весна приятна настает, <...>
10Открылась мерзлая земля⁶.

Стремясь передать метафоричность и емкость образов Горация, М.Н. Муравьев активно использует прилагательные, добавляя эпитеты даже там, где их нет у Горация. Все это придает особую эмоциональность, душевность, сердечность произведению М.Н. Муравьева, что говорит о сентиментальной направленности молодого автора.

Внимание М.Н. Муравьева к семантическому плану первоисточника, практически точная передача содержания оды Горация ломает традиции классицистического перевода XVIII века, для которого было характерно вольное обращение с оригинальным произведением. Активно использует М.Н. Муравьев и прилагательные, несущие оттенки настроения, оценку события и предмета. Это доказывает склонность начинающего поэта к выражению чувств, эмоций в произведении, что затем приведет его к сентиментализму.

Что касается синтаксических средств выразительности, то перевод выглядит явно более простым и прямолинейным. Так, произведение Горация богато инверсиями и анжамбеманами. У М.Н. Муравьева они единичны. Синтаксическое отличие перевода от оригинала также объясняется разницей в ритмической организации произведений. Ода Горация написана третьей архилоховой строфой, что ведет к сочетанию плавности, неспешности повествования, свойственного гекзаметру, и ритмики, динамики ямба. М.Н. Муравьев переводит оду Горация традиционным для XVIII века 4-стопным ямбом, отражающим динамичность образов, легкость, радостное настроение, но снижающим емкость описательного плана первоисточника. Этим же фактом объясняется и разница в объеме: в оде Горация

⁴ Q. Horatii Flacci. Opera omnia. Lipsiae, 1847. С. 5.

⁵ Здесь и далее пер. автора – Прокопьева Л.Б.

⁶ Муравьев М.Н. Стихотворения. Л., 1967. С. 255.

5 стрóf по 4 стиха (20 стихов), перевод М.Н. Муравьева выполнен в одическом каноне (десятистишные стрóфы, в данном случае – 4) и образует 40 стихов.

Таким образом, перевод М.Н. Муравьева оды Горация «К Сестию» демонстрирует состояние переходности творчества еще начинающего автора от классицизма к сентиментализму, так как его перевод показывает сочетание характерных черт этих двух литературных направлений: высота идеи, выраженная через архаические лексические средства, одический канон соответствуют классицистическим традициям русской литературы XVIII века, однако использование эмоциональной оценочной лексики, внимание к семантике первоисточника, желание выразить настроение произведения античного автора говорят о сентиментальной склонности М.Н. Муравьева.

Знакомство с поэзией Горация и работа с переводом оды «К Сестию», возможно, дали импульс М.Н. Муравьеву к созданию собственных стихотворений на нравственно-философскую тематику, в которых заметно влияние Горация: уже к 1776 году (времени следующего перевода философской оды Горация) М.Н. Муравьевым был написан целый ряд произведений, сходных по тематике с одой «К Сестию» («Скоротечность жизни», «Неизвестность жизни», «Время», «Эпистола»).

Тенденция отхода от классицистических традиций перевода XVIII века проявляется в последующих работах М.Н. Муравьева с нравственно-философскими одами Горация (I, 9 «К Талиарху» и I, 11 «К Левконое»).

Девятая ода книги первой Горация – одна из многих в его творчестве, в которой римский поэт поднимает философскую проблему смысла жизни, выражает свои взгляды на принципы существования человека. Написана ода в форме обращения к виночерпию Талиарху и представляет собой совет автора молодому человеку, как нужно жить, чтобы обрести радость, мудрость, спокойствие.

Подробный сравнительный анализ всего подлинника и перевода позволяют сделать следующие выводы: в целом перевод М.Н. Муравьева оды Горация «К Талиарху» демонстрирует особое внимание поэта XVIII века к передаче ключевых семантических образов и общего эмоционального плана произведения античного автора. В стихотворении М.Н. Муравьева переплелись черты классицизма и сентиментализма: сам выбор темы и во многом классицистическая форма произведения (одический канон), большое количество старославянизмов сочетается с вниманием к мелочам, с характерным для сентиментализма усилением личностного начала. К достоинствам перевода, несомненно, можно отнести передачу пейзажа, изображающего красочную картину итальянской зимы, акцент на мудрость, красоту и величие обычной жизни простого человека, глубокое лирическое начало. Здесь особенности поэзии Горация и потребности, вкусы ранних русских сентименталистов сошлись: тема оды созвучна не только классицизму, но и отвечает основному пафосу сентиментализма – культу нового лирического героя, рядового человека со своими простыми житейскими радостями.

Синтаксический план двух произведений различен. В соответствии с одическим каноном, традиционным для классицизма, перевод состоит из пяти десятистиший с определенной системой рифмовки (абаввгддг) и метра (4-стопный хорей). В результате произошло увеличение перевода по сравнению с первоисточником почти вдвое (у Горация – 6 стрóf по 4 строки). Ода античного поэта написана алкеевой стрóфой. Такое строение обеспечивает напряженное, ритмичное

звучание стиха, и его М.Н. Муравьев передает четырехстопным хореем, очень четким, динамичным метром с сильным местом на первом слоге, со смешанной рифмовкой: *abbacdeed* (первые и последние четыре строки организованы охватной рифмой, две средние – смежной).

Основная заслуга М.Н. Муравьева, в чьем творчестве складывается эстетика нового художественного направления, сентиментализма, – в чутком, заинтересованном отношении к литературным, философским принципам Горация, жизненные и творческие позиции которого были в основе своей близки М.Н. Муравьеву и получили свое воплощение в других произведениях молодого, а затем повзрослевшего и помудревшего поэта.

Достоинства перевода М.Н. Муравьева ярко проявляются при его сопоставлении с переводом А.Д. Кантемира 1739 года, который тот назвал «О надежде на Бога». Перевод А.Д. Кантемира выполнен в соответствии с принципами классицистического перевода: главным для него было выразить мысль Горация об умении наслаждаться данностью, о ненужности загадываний на будущее, о надежде на Бога, который все видит и знает и не даст своего раба в обиду. Перевод же М.Н. Муравьева стал, несомненно, шагом вперед по сравнению с существующими тогда нормами.

В 1776 году М.Н. Муравьев переводит еще одну философскую оду Горация – I, 11. Несмотря на популярность Горация, к 11 оде книги первой, адресованной Левконое, до М.Н. Муравьева не обращался ни один из переводчиков⁷. Между тем эта ода является программной, одной из самых известных в творчестве Горация. В ней античный автор высказывает свой главный философский жизненный принцип: «*Care diem!*» (Лови день!). В небольшом по объему, но глубоком по содержанию произведении Гораций говорит о смирении перед неизбежным, о предначертанности будущего и об умении довольствоваться своим положением.

В начале оды Гораций, обращаясь к Левконое, сразу заявляет о своих жизненных принципах: загадывать о будущем грешно, существование человека находится в руках богов. Смысл этого положения в переводе отражается, но с помощью оригинальных авторских лексических и синтаксических средств. М.Н. Муравьев опускает обращение к конкретному лицу (Левконое), что снижает интимное, лирическое начало, характерное для оды Горация, но придает всему стихотворению М.Н. Муравьева обобщенный смысл. По-видимому, это продиктовано необходимостью для автора подняться на философский, общечеловеческий уровень. В этом заметно влияние классицистических традиций на молодого поэта. Заканчивается этот отрывок оды у М.Н. Муравьева отсутствующим, но читающимся между строк первоисточника выводом: *умей терпеть и ожидать*. Поэту в русле традиций классицизма важно выделить мысль, один из главных философских принципов жизни античного автора: необходимо принимать все, что тебе дано, безропотно. С помощью более свободного и вместе с тем более подробного толкования строк Горация переводчик делает свой текст семантически и эмоционально близким к оригиналу, при этом еще более широко и универсально истолковав нравственно-философские принципы Горация. Это достигается путем исключения из текста конкретно-исторических античных реалий и расширения ла-

⁷ См.: Античная поэзия в русских переводах XVIII-XX вв. : библиографический указатель. СПб., 1998. С. 279.

коничных строк Горация. Момент краткости земного существования выражается у М.Н. Муравьева лексически близко к оригиналу, а слову *надежда* М.Н. Муравьев дает совершенно иной эпитет, тем самым выделив его: у римского поэта *longam* «долгую», в переводе – *горду*. Такая замена подчеркивает понимание М.Н. Муравьевым, носителем христианского сознания (в отличие от язычника Горация), греховности гордости, в строках перевода акцентируется упрек тем, кто, не желая смириться с настоящим, осмеливается загадывать надолго вперед, ставя себя тем самым выше бога. В конце оды Гораций заявляет о скоротечности времени и поэтому призывает жить сегодняшним днем, не думая о будущем. Первая строка перевода практически тождественна оригиналу, однако остается без внимания в переводе красочный оценочный эпитет Горация к существительному *aetas* «время» – оно названо *invida* «ненавистное», так как с его бегом укорачивается человеческая жизнь, и это невыносимо для Горация, умеющего жить по философским принципам умеренности во всем, но не имеющего власти над единственной силой – смертью.

Таким образом, перевод М.Н. Муравьевым 11 оды Горация демонстрирует близость к оригиналу на семантическом и эмоциональном уровнях и расхождение в лексическом и синтаксическом планах. Лексические отличия произведений объясняются переводческой установкой М.Н. Муравьева, которому было необходимо расставить собственные акценты, обусловленные литературной, философской, религиозной позицией автора. Сюда можно отнести христианизацию перевода на лексическом уровне, что привело к потере исключительно римского, античного колорита оды Горация, за счет этого стихотворение М.Н. Муравьева приобрело универсальное, философское обобщение. Синтаксические расхождения произведений возникают, очевидно, из-за желания русского поэта в традициях классицизма четко выразить, расширить, дополнить основные положения философии римского автора, отсюда и разница в объемах: ода Горация состоит из двух строф по четыре стиха, а перевод – из двух строф по шесть стихов. Кроме этого, особую неповторимость оде Горация придает активно используемый им здесь прием анжамбемана. М.Н. Муравьев же строит фразы проще: каждый стих его перевода – это синтаксически законченная конструкция. Ритмическая разница обусловлена разными размерами произведений. Ода Горация написана большим асклепиадовым стихом, ритмику которого невозможно передать средствами русского языка, однако четырехстопный ямб, использованный М.Н. Муравьевым, удачно отражает смысловые акценты оригинала. Рифмовка каждой строфы, в которой сочетаются смежная и охватная рифмы (ааЬссЬ), как бы делит ее на две одинаковые с ритмической точки зрения части, выделяя семантические акценты – «не гадай», «терпи и жди», «не надейся», «живи днем». Введенные М.Н. Муравьевым старославянизмы и архаичные формы слов придают тексту высокое, торжественное, плавное звучание, схожее по тональности с одой Горация. Показательно отсутствие в переводе обращения к женщине, что ведет к исключению ее незримого образа из всей ткани произведения М.Н. Муравьева. По-видимому, автору более важно передать не чувства, а в традициях эстетики классицизма – основную мысль античного автора. Близость же перевода к оригиналу, выраженная в передаче настроения оды, общего семантического плана, мотивов и образов объясняется созвучностью философско-нравственных принципов Горация внутренним потребностям

М.Н. Муравьева, который к 1776 году воспринимает и усваивает многое из творческого и философского наследия античного автора.

Перевод 11 оды «К Левконое» и сделанный в этом же году перевод сходной по тематике 9 оды «К Талиарху», как и дальнейшее творчество самого М.Н. Муравьева, демонстрируют обращение поэта на протяжении всей жизни к теме смысла человеческого существования, истинной мудрости бытия, главных жизненных ценностей. Проблематика этих стихов прочными ассоциативными параллелями связана с нравственно-философской поэзией Горация.

Например, в первой оде третьей книги Гораций, размышляя над смыслом жизни, говорит о суетности мелких желаний. Спасение и душевный покой автор видит только в благодарном приятии всего окружающего. М.Н.Муравьев в таком понимании жизни перекликается с Горацием в стихотворении «Об учении природы» (1779 год).

Тема конечности человеческой жизни, неизбежности смерти всегда очень волновала Горация. Он понимал, что это единственное, от чего нельзя отгородиться никакими принципами. Об этом говорится в 14 оде второй книги. Горацию вторит М.Н. Муравьев в стихотворении «Итак, опять убежище готово» (1780 год). В седьмой оде четвертой книги Гораций описывает смену времен года в природе, все движется, возвращаясь на круги своя, лишь человеческая жизнь конечна. М.Н.Муравьев использует образы оды Горация, ее композиционное построение в своей «Оде десятой. Весна» (1775 год).

В 1789 году М.Н. Муравьев возвращается к произведениям Горация: переводы двух отрывков из шестой сатиры книги второй завершают ряд работ на морально-философские темы, одновременно являясь последними известными переводами М.Н. Муравьева стихов Горация. М.Н. Муравьев включил перевод 59-76 стихов шестой сатиры в «Эмилиевы письма» (около 1789 года), а перевод 1-5 стихов поставил эпиграфом к «Обитателю предместья» (около 1790 года).

59-76 стихи сатиры Горация органично вплетаются в «Эмилиевы письма». М.Н. Муравьев включает их в письмо от 14 июля, в котором герой, отдыхающий летом в имении Берново, рассказывает Филарету о своей глубокой привязанности к сельской жизни, вспоминая строчки Горация из шестой сатиры. В шестой сатире книги второй сатир Горация 59-76 стихам предшествует рассказ о суетности городской жизни, которой приходится жить автору. С раннего утра заботы гонят его из постели, различные просители досаждают просьбами, зная о близости Горация к Меценату. В такой обстановке он мечтает о простой деревенской жизни, с ее мелкими радостями, размеренностью, независимостью.

В целом перевод отрывка из шестой сатиры книги второй можно назвать достаточно близким первоисточнику, так как М.Н. Муравьеву удалось передать настроение душевной умиротворенности, неспешного философского размышления, высокой торжественности, созданное античным автором в своем произведении. Для М.Н. Муравьева было важным наполнить сатиру античного автора своим содержанием, показать деревню как оппозицию в отношении к светской жизни. Такой способ существования близок ему своей руссоистской идеей естественности, близости к природе, нравственной чистоты, идеей внесловного равенства людей. Эта задача была выполнена в парадигме эстетики Горация. Например, в 67 строфе римский поэт, завершая рассказ о своих рабах, говорит о том, что отдает

им остатки обеда (и в этом – выражение благоволения господина): *Pasco libatis dapibus* «Кормлю остатками от обеда». Этот момент передается М.Н. Муравьевым: *(И добрый господин не забывает их)*. Придерживаясь руссоистской концепции природного равенства людей, внесловной ценности любого человека, М.Н. Муравьев изображает доброго господина и усердных слуг, а не «рабов назойливых», что характерно для нравственного кодекса чувствительного человека, осуждающего социальное неравенство и стремящегося смягчить проявления крепостной действительности в России XVIII века.

В переводе М.Н. Муравьева получила отражение система организации стиха сатиры Горация. Произведение античного поэта написано дактилическим гекзаметром. М.Н. Муравьев для максимально точной передачи ритма сатиры Горация использует также шестистопный размер, это ямб со смежной рифмой (аавв), придающий размеренность, плавность, торжественность течению мысли автора. Для этого же М.Н. Муравьев пытается передать часто применяемый Горацием и прием анжамбемана: у римского поэта анжамбеман встречается часто (63-64, 65-66, 66-67, 68-69, 69-70, 72-73 стихи), М.Н. Муравьев применяет его в 2-3, 6-7, 14-15 стихах.

Около 1790 года, работая над «Обитателем предместья», М.Н. Муравьев вновь возвращается к шестой сатире Горация и ставит свой перевод ее начальных строк (1-5) эпиграфом ко всему произведению. В 1-5 стихах шестой сатиры сконцентрирована философия жизни античного автора, проповедовавшего умеренность в желаниях, довольство малым как средство достижения истинного счастья, спокойствия, высокой мудрости. Гораций описывает те блага, которыми он владеет в своем сабинском поместье: небольшой кусочек земли, окруженный садом и лесом с протекающим вблизи источником. Поэт счастлив и у богов не просит ничего более.

Общая тональность отрывков из произведения античного автора как нельзя лучше соответствует сентиментальной направленности М.Н. Муравьева, ставящего на первый план отражение высоких эмоций лирического героя, ценящего не только человека мыслящего, но и глубоко чувствующего, философа-мудреца, живущего в гармонии с собой и окружающим миром.

Включение отрывков шестой сатиры Горация в ткань «Обитателя предместья» и «Эмилиевых писем» не случайно. В этих произведениях М.Н. Муравьева в форме дневниковых записей и писем главного героя, человека, способного увидеть, оценить и воспеть красоты, достоинства и мудрость простой сельской жизни, конструируется особый мир, мир тишины и спокойствия деревни. Горация и М.Н. Муравьева сближает умение наслаждаться уединением, домом, общением с близкими по духу людьми и обретение при этом душевного и физического комфорта. Художественным пространством сатиры Горация и произведений М.Н. Муравьева становится сельская идиллия, проникнутая настроением тихой радости, высокой философской мудрости от умения принять и оценить все подаренное судьбой.

Таким образом, основная заслуга М.Н. Муравьева, в чьем творчестве складывается эстетика нового художественного направления, сентиментализма, – в чутком, заинтересованном отношении к литературным, философским принципам Горация, жизненные и творческие позиции которого были в основе своей близки

М.Н. Муравьеву и получили свое воплощение в других произведениях поэта. Во многих произведениях М.Н. Муравьева, в его поэзии, прозе, поднимается тема смысла человеческого существования и обнаруживается полное соответствие с художественно-эстетическими и философскими убеждениями Горация.

Во втором параграфе – *«Тема патриотизма, служения Родине в творчестве М.Н. Муравьева и Горация»* – рассматривается вопрос об особенностях перевода М.Н. Муравьевым оды Горация III, 2 и влиянии этой работы на оригинальную лирику М.Н. Муравьева.

М.Н. Муравьев был первым в русской литературе, кто обратился к переводу этой оды. К этому моменту русская литература XVIII века имела богатые традиции патриотической лирики, чье начало лежит еще в «Слове о полку Игореве». Это «Стихи похвальные России» (1728 год) В.К. Тредиаковского, его оды «О сдаче города Гданска» (1734 год) и «О сдаче города Гданска» (1752 год), торжественные оды М.В. Ломоносова (1741, 1742, 1745, 1746, 1747, 1748, 1757, 1759 годов) и стихотворение «Разговор с Анакреоном» (между 1758 и 1761 годами). М.Н. Муравьев подхватывает традицию патриотической лирики в своем оригинальном творчестве и в работе по переводу оды Горация III, 2.

Вторая ода книги третьей Горация, как и многие другие его стихотворения, написана в форме обращения, поэтому получила название по адресату послания – «К римскому юношеству». В этом произведении античный автор размышляет о молодости и доблести, так как надежду на моральное возрождение римского общества Гораций связывает именно с подрастающим поколением.

Перевод М.Н. Муравьева второй оды «К римскому юношеству» книги третьей Горация можно назвать свободным, что характерно для классицистического подхода к переводу. В соответствии с одическим канонам, также традиционным для классицизма, перевод состоит из пяти десятистиший с определенной системой рифмовки (абабввгддг) и метра (4-стопный ямб), а традиционный для литературы XVIII века 4-стопный ямб ритмически далек от алкеевой строфы, в которой сложным образом уравниваются восходящий и нисходящий ритмы. Заметно синтаксическое упрощение перевода по сравнению с оригиналом: М.Н. Муравьев использует простое построение предложений, часто равных одной строке, что придает его тексту динамичность, ясность, тогда как для оды Горация характерны емкие номинативные конструкции, инверсии, анжамбеманы. Большую экспрессивную и семантическую нагрузку в переводе несут глаголы, они передают энергию движения, ритм, напор, накал страстей. Традициям классицизма отвечает высокая идея, положенная в основу оды Горация и поэтому, по-видимому, привлекавшая внимание М.Н. Муравьева: его человеческим и литературным предпочтениям полностью соответствовала мысль античного автора о человеке общественном, о лишенном слабостей герое. Однозначность моральных оценок Горация также близка М.Н. Муравьеву, что получило отражение в переводе даже в более явной форме, нежели в оригинале. Кроме этого, стремясь адаптировать античный текст для русского читателя, М.Н. Муравьев изменяет ее название (у Горация – «Ad riueros»), нередко не включает в перевод исторические и мифологические детали, придав тем самым своему произведению общечеловеческое, философское звучание. Заявленное название перевода – «К друзьям» – вносит в классицистическое

по форме и содержанию произведение отенек интимности, лиризма, свойственный натуре и эстетике М.Н. Муравьева.

Неслучайность обращения М.Н. Муравьева в 1774 году к переводу именно «римской» оды Горация подтверждается его оригинальным творчеством: одами и стихотворениями, написанными до и после работы над переводом из Горация и близкими по содержанию и идейной направленности к произведению римского автора: «Ода на победы, одержанные российским оружием в продолжение первой турецкой войны» 1773 года, «Ода <...> Екатерине II <...>» 1774 года, «Военная песня» (1773, вторая половина 1770-х годов (?)), датированный этим же временем «Храм Марсов». «Ода седьмая», написанная уже после перевода III, 2 оды Горация (1775 год), по содержанию и настроению явно восходит к этому произведению античного поэта. И Гораций, и М.Н. Муравьев выбрали для своих стихотворений активную форму – обращение к молодым воинам, в котором сразу обозначили трудность ратного дела. Особое внимание уделяется поведению юношей в бою, и здесь М.Н. Муравьев вновь близок Горацию в своем убеждении, что трусость позорна, а высшая доблесть для молодого воина – это сражаться за отчизну и, если необходимо, отдать за нее жизнь:

Ода Горация:

<...>¹³Dulce et decorum est pro patria mori;
14Mors et fugacem persequitur virum
15 Nec parcat imbellis iuventae

16 Poplitibus timidoque tergo.
17Virtus repulsae nescia sordidae

18Intaminatis fulget honoribus,
<...>⁸

Подстрочный перевод:

<...>¹³Приятно и почетно за отечество умереть;
14Смерть и бегущего преследует мужа
15И не щадит ни невоинственной юности
16Поджилок, ни пугливой спины.
17Доблесть, провала не знающая позорного,
18Незапятнанными блещет почестями <...>.

«Ода седьмая» М.Н. Муравьева:

<...>А срамный шаг исполнь позора,
Не дрогни вражеского зора,
Рази иль буди поражен;
Вокруг тебя перуны стонут,
В крови их ратоборцы тонут,
А ты будь храбростью возжжен<...>⁹.

Однако следует отметить смещение акцента финала оды М.Н. Муравьева: он говорит молодым людям о необходимости воспитывать себя, свою душу, что свидетельствует о диалоге классицизма и сентиментализма в его творчестве, проявившемся в сочетании дидактизма и лиризма:

<...>Тщетна вся храбрость без науки
И без величия души:
Исправи ум, настави руки
И лишню буйность потуши<...>¹⁰.

Третий параграф – «**Тема поэта и поэзии в творчестве М.Н. Муравьева и поэтические принципы Горация**» – посвящен исследованию перевода М.Н. Муравьевым оды I, 1 Горация и влияния литературных принципов римского автора на поэтическое творчество М.Н. Муравьева.

К моменту перевода М.Н. Муравьевым первой оды книги первой Горация (1775 год) свое слово в теме поэтического творчества уже сказали А.Д. Кантемир, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков. В такой литературной ситуации обращает на себя внимание факт, что первая ода книги I, программная, насыщенная содержанием, до М.Н. Муравьева не переводилась никем.

⁸ Q. Horatii Flacci. Opera omnia. Lipsiae, 1847. С. 58.

⁹ Муравьев М.Н. Стихотворения. Л., 1967. С. 123.

¹⁰ Там же.

В оде Гораций, обращаясь к Мecenату, тщательно опекавшему литературу и искусство (ему также посвящен весь сборник, состоящий из трех книг), рисует целостную картину мира, перечисляя различные занятия людей: спорт, политика, земледелие, торговля, беззаботное времяпрепровождение, война, охота. Этот длинный список человеческих склонностей нужен автору, чтобы осмыслить современный ему мир, определить свое место в нем и в конце оды заявить о своей жизненной установке: поэзия для него является первостепенным и главным занятием, Горация влечет только поэтическая слава. М.Н. Муравьев, переводя оду Горация, старается композиционно, семантически, эмоционально идти за первоисточником. Лексические средства в основном используются собственные:

Текст Горация:	Подстрочный перевод:	Перевод М.Н. Муравьева:
6Terrarum dominos evehit ad deos	6[К] владельцам земель возносит к богам	Иной лишь токмо льстится тем, Когда мятежные квириты
Hunc, si mobilium turba Quiritium	Этого, если непостоянных толпа квиритов	Его в избрании своем В чины воздвигнут знамениты
Certat tergeminis tollere honoribus,	Старается тройными вознести почестями,	

Заметна попытка оживить перевод художественными образами, сходными с приемами античного автора, что выходит за рамки чисто классицистического перевода¹¹. Перевод М.Н. Муравьева демонстрирует вольное, свободное обращение с синтаксисом и в большой степени с лексикой оригинала, но очень бережное, внимательное отношение к семантическому и эмоциональному плану оды Горация.

Синтаксический отход от первоисточника объясняется сложностью построения текста самого античного автора, невозможностью перевести некоторые обороты на русский язык, своеобразием размера асклепиадовой строфы, которой была написана первая ода книги первой.

Композиция оды Горация и перевода М.Н. Муравьева тождественны, логика повествования в стихотворении М.Н. Муравьева совпадает с развитием мысли античного поэта. При этом заметно явное отличие объемов двух произведений. В оде Горация 9 строф по 4 строки, всего 36 стихов. Перевод соответствует традиционному в XVIII веке одическому канону: десятистишные строфы (в данном случае их 5) образуют 50 стихов. Разница в объеме объясняется, возможно, стремлением М.Н. Муравьева достигнуть как можно более точной передачи смыслового плана оды римского автора, и это ему удалось, правда, за счет внесения многословных описательных конструкций, что увеличило объем перевода по сравнению с первоисточником.

Некая лексическая свобода перевода М.Н. Муравьева проявляется в акцентировании большего внимания на действии, повествовании, в замене эпитетов, конкретных, зрительных образов Горация на собственные, часто не уступающие по яркости и самобытности оригиналу, в игнорировании отдельных деталей, многослойных, пышных определений, придающих тексту Горация самобытность и пла-

¹¹ В XVIII веке в разной степени авторами разделялась мысль А.П. Сумарокова о том, что нет необходимости гнаться за буквальной точностью перевода. См.: Серман И. Русская литература XVIII века и перевод // Мастерство перевода. М., 1963. С. 338.

стичность. Перевод же отличается строгой, сдержанной формой, рационалистический ход повествования, что отвечает еще традициям классицизма в русской литературе.

Безусловно, сам выбор темы для перевода и его удачные стороны доказывают близость жизненных и творческих установок античного автора и склонного к сентиментализму юного М.Н. Муравьева. Эту связь демонстрирует и тот факт, что именно в 1775 году самим М.Н. Муравьевым был написан ряд стихотворений, посвященных теме поэтического таланта, творчества и его самоценности, места литературы в жизни человека: «Ода вторая (к А.М. Брянчанинову)», «Ода четвертая», «Ода десятая. Весна (К Василию Ивановичу Майкову)», «Опыт о стихотворстве», «Пускай завистники ругают», «Стихи на первое апреля», «Сонет (к Василию Ивановичу Майкову)», «Сонет к Музам». Стихотворение же «Избрание стихотворца» (первая половина 1770-х годов (?)) по содержанию и композиции явно восходит к первой оде «К Мecenату» Горация. В содержании более поздних стихов М.Н. Муравьева также видна глубокая ассоциативная связь с трактовкой темы поэзии у Горация. В «Опыте стихотворства» (1775, 1780), написанном в форме обращения к молодым поэтам, М.Н. Муравьев разворачивает целую литературную программу, во многом созвучную с поэтическими принципами Горация.

В четвертом параграфе – *«Тема любви в творчестве М.Н. Муравьева и любовная поэзия Горация»* – рассматривается перевод М.Н. Муравьевым оды *Carmen amoebaeum* Горация и сопоставляется любовная лирика Горация и М.Н. Муравьева.

Девятая ода третьей книги Горация, обращенная к Лидии, – образец его любовной поэзии. Тяготея к философии Эпикура, Гораций в своей любовной поэзии не выходит за рамки лирики легких увлечений. В любовных стихах Горация нет глубокой и сильной страсти, он изображает чувство легким и как бы порхающим, ограничиваясь изливаниями нежности и озорными шутками.

При всей своей популярности в России XVIII века римский поэт как сочинитель любовных песен заинтересовал немногих переводчиков до М.Н. Муравьева. Классицистов Гораций больше интересовал как выразитель государственных, гражданских идей и законодатель поэтических традиций. В 1759 году в журнале «Трудолюбивая пчела» № 6 был опубликован вольный перевод девятой оды, который именовался «Подражание Горацию», выполненный А.П. Сумароковым. Он стал единственным предшественником М.Н. Муравьева в работе над переложением оды III, 9: *Carmen amoebaeum*. Перевод М.Н. Муравьевым девятой оды Горация является одной из его ранних работ, вошедших в первый сборник «Переводные стихотворения», датированный 1773 годом¹². Совсем юного автора (ему 16 лет) не может не волновать таинство любви и оригинальное выражение Горацием любовного чувства, когда лихорадочность, яростное страдание заменяются на умеренность, нежность и изящность. Девятая ода книги третьей является одним из самых известных любовных стихотворений Горация. Написана она в форме диалога двух бывших возлюбленных, которые встречаются после размолвки и мирятся. С мягкой иронией описывает поэт своих героев, ищущих в любви лишь легких перемен и волнений.

¹² Античная поэзия в русских переводах XVIII-XX вв. СПб., 1998. С. 292-293.

Сопоставление перевода и подлинника показывает, что М.Н. Муравьев семантически, эмоционально и часто лексически следует за Горацием. М.Н. Муравьев бережно передает четкую симметрию произведения, движение чувств, мыслей, настроения героев стихотворения римского поэта от сожалений до радости, от прошлого к будущему. М.Н. Муравьев внимательно относится к художественным средствам первоисточника, стремясь передать авторские метафоры, эпитеты, сравнения и внося свои находки, лексически и эмоционально близкие оригиналу. В целом классицистическая традиция использования старославянизмов, особенно активно в первой, четвертой и пятой строфах, придает переводу М.Н. Муравьева возвышенность, настраивающую на высокий разговор о любви, что не свойственно любовной лирике Горация. Однако сама категория чувств, изображение частной жизни, форма диалога, эстетизация эмоций, характерные для этой оды Горация и отраженные в переводе, дают материал будущему М.Н. Муравьеву-сентименталисту. Это один из первых переводческих опытов М.Н. Муравьева, но выбор текста для него уже говорит о многом: о внимании начинающего автора к частным переживаниям, об интересе к выражению чувств героев, – обо всем том, что в дальнейшем приведет М.Н. Муравьева к сентиментализму.

Интересно сопоставление переводов *Carmen amoebaeum* А.П. Сумарокова «Подражание Горацию» (1759 г.) и М.Н. Муравьева (1773 г.). Оба переводчика сохранили диалоговую форму произведения Горация, проследили развитие мысли автора от прошедшего через настоящее к будущему, использовали ритмику популярного тогда четырехстопного ямба. «Подражание Горацию» несет в себе черты поэзии самого А.П. Сумарокова, имеющего склонность к любовной лирике, отличающейся задушевной простотой, напевностью и непосредственностью. Более точный и художественный перевод М.Н. Муравьева можно квалифицировать как новаторство в русском переводе и вместе с тем как первые шаги в становлении сентиментализма в России.

Наблюдения над любовной поэзией М.Н. Муравьева демонстрируют ее глубокие ассоциативные связи с любовной лирикой Горация. Любовное чувство изображается М.Н. Муравьевым легко, без жгучей страсти. Он ограничивается изящным, подчеркнуто легким изображением отдельных внешних сторон своих отношений с реальной, а очень вероятно, что и условной дамой, как в стихотворении «Милое дитя» (между 1779 и 1784(?)). Предметом некоторых стихов М.Н. Муравьева становятся сердечные взаимоотношения автора с героиней («Разлука» между 1779 и 1784(?)). Однако и в них чувства изображены достаточно условно и, несмотря на весь набор «чувствительной» лексики, воспринимаются как выражение минутного настроения. Складывается ощущение, что М.Н. Муравьев и не стремится отражать реальную правду чувств. И если герой М.Н. Муравьева грустит, то в мелодике стиха ощущается любование, наслаждение грустью. Эта особенность любовной лирики М.Н. Муравьева позволяет исследователям его творчества называть поэта одним из «создателей так называемой «легкой поэзии», ставшей особенно популярной в России уже в XIX веке и достигшей наибольшего совершенства в творчестве Батюшкова и молодого Пушкина»¹³. Интересно, что

¹³ Кулакова Л.И. Поэзия М.Н. Муравьева // М.Н. Муравьев. Стихотворения. Л., 1967. С. 41.

характерный для классицистов и М.Н. Муравьева дидактизм ощущается и в его любовной лирике. Даже говоря о красоте, внешних достоинствах возлюбленной, он не забудет и об истинной в его понимании красоте (стихотворение «Истинная красота» между 1779 и 1784(?)). В традициях Горация адресатами стихов М.Н. Муравьева становятся разные женщины. Черета женских имен в любовной лирике М.Н. Муравьева вызывает ассоциации с любовной поэзией Горация, в которой постоянно меняются многочисленные адресаты любовных посланий поэта. Это подтверждает глубокое проникновение М.Н. Муравьева в творчество Горация, следование его жизненным и поэтическим принципам.

Пятый параграф – *«Картины сельской жизни, природы в творчестве М.Н. Муравьева и Горация»* – посвящен анализу перевода М.Н. Муравьевым оды Горация III, 18 и сопоставлению пейзажной лирики Горация и М.Н. Муравьева.

18 ода третьей книги Горация, получившая название «К Фавну», написана в традиционной для римского поэта форме обращения (в данном случае – к божеству, покровителю лесов и полей, стад и пастухов) и изображает сельскую жизнь. Гораций описывает картины деревенских будней, когда закончена горячая пора работ на земле и в честь Фавна справляется 5 декабря праздник фавналии. В этом лирическом гимне простой жизни на лоне природы, которой нужно наслаждаться вдали от волнений городской суеты, читаются гораццианские принципы жизни человека: в простоте сельской жизни, в ее мелких радостях автор находит покой, радость, свободу духа, довольствуясь малым, преодолевая неразумные страсти и желания.

Образ сельской природы уже встречался в переводе М.Н. Муравьева оды «К Сестию», но там прекрасный весенний пейзаж стал поводом для разговора о быстротечности жизни, ее истинных ценностях, здесь же многое ушло в подтекст, и перед читателем разворачиваются поэтические картины деревенской природы, простые сельские зарисовки, несущие настроение радости, легкости, праздника.

В литературе XVIII века тема природы, идиллии введена В.К. Тредиаковским, который выделил стихотворную буколическую форму как «<...>разные пастушеские и поселянские разговоры <...> Лица ея: Пастушки, Жнецы, Сенокосцы, Садовники, Огородники, Совции, Собиратели винограда, плодов <...>»¹⁴. У М.В. Ломоносова тема природы связана в первую очередь с преклонением перед ее величием, красотой, мудростью, он испытывает перед ней священный трепет. Линию же В.К. Тредиаковского продолжает А.П. Сумароков. Для него природа связана с описанием простой мирной жизни в идеальном уголке.

М.Н. Муравьев в переводе оды «К Фавну» (III, 18) и дальнейшем оригинальном творчестве является продолжателем традиций идиллий В.К. Тредиаковского и А.П. Сумарокова. Первым обращением М.Н. Муравьева к этому жанру можно считать «Эклогу к его превосходительству А.В. Олешеву» 1771 года, традиционную по форме и содержанию (это состязание двух пастушков в пении на фоне буколического утреннего пейзажа). В 1773 году М.Н. Муравьев делает перевод 18 оды книги третьей Горация, который, как и в случае с некоторыми другими одами Горация, был первым в русской литературе. М.Н. Муравьев точно передает дви-

¹⁴ Тредиаковский В.К. Способ к сложению российских стихов // Тредиаковский В.К. Сочинения. Т. 1. СПб., 1849. С. 168.

жение мысли Горация: вначале звучит призыв к лесному божеству Фавну обойти сельские поля, затем описывается картина жертвоприношений Фавну, который являлся покровителем стад и пастухов, далее рассказывается о бытовых приметах сельской жизни после окончания земледельческих работ, и заканчивается ода и перевод описанием всеобщей радости и мира во время празднования фавналий. Большое внимание к семантическому плану первоисточника не свойственно традиционному тогда классицистическому переводу, поэтому можно отметить новаторство М.Н. Муравьева в таком подходе к античному оригиналу.

Отличие оды Горация и перевода М.Н. Муравьева касается лексического плана и художественного воплощения образов. При этом заметно стремление М.Н. Муравьева максимально сохранить или собственными художественными средствами, но передать картины сельской жизни, природы в произведении Горация, настроение радости и легкости, царящее в оде «К Фавну». Однако в большей степени переводу М.Н. Муравьева свойственна замена лексических и образных средств Горация на собственные, оправданные с точки зрения отражения эмоционального плана первоисточника:

Текст оды Горация:	Подстрочный перевод:	Перевод М.Н.Муравьева:
1Faune Nympharum fugientum amator,	1Фавн нимф убегающих любитель,	1О Фавн! любитель нимф бегущих,
2Per meos fines et aprica rura	2Через мои владения и согретые солнцем пашни	2Среди моих полей цветущих
3Lenis incedas	3Медлительный шествуй	3Пройди медлительной ногой;

Из синтаксических художественных приемов, часто применяемых Горацием в оде «К Фавну», следует отметить анжамбеман. М.Н. Муравьев ни разу его не использует, порядок слов в переводе прямой, слог легкий, ритмичный, воздушный. Эта ориентация на легкость, динамичность, ритмичность привела к уменьшению объема переводного стихотворения по сравнению с оригиналом: каждая строфа оды Горация, состоящая из четырех стихов, передана у М.Н. Муравьева тремя стихами. Сапфическая строфа, которой написана ода «К Фавну», переводится традиционным для русской литературы XVIII века четырехстопным ямбом, размером, придающим переводу изящность, ясность, легкость, которые свойственны и первоисточнику.

Возможно, именно работа над переводом оды «К Фавну» отразилась на дальнейшем творчестве М.Н. Муравьева. Влияние авторитета Горация в идиллическом изображении сельской жизни в той или иной мере получило отзвук в произведениях «Путешествие» (первая половина 1770-х гг.), «Ода десятая. Весна» (1775 год), «К Хемницеру» (1776 год), «Роща» (1777 год), «Возвращение весны» (1775?, 1802 год), «Об учении природы» (1779 год), «Итак, опять убежище готово...» (1780 год). Идиллия зазвучала в них по-новому: ушли буколические акценты, остались изображение душевного покоя на фоне пейзажа, живопись природы. Опыт пейзажной лирики М.Н. Муравьева оказался, несомненно, плодотворным для развития русской литературы конца XVIII – начала XIX веков. Выйдя за пределы изображения пастушеского быта, поэт пришел к лирическому пейзажу как способу выражения авторского «я», как фону для исповеди души.

Вторая глава – «М.Н. Муравьев и Вергилий» – посвящена исследованию влиянию Вергилия на творчество М.Н. Муравьева.

В первом параграфе «*Буколическая тема в поэзии М.Н. Муравьева и Вергилия*» анализируется перевод М.Н. Муравьевым начальных стихов (1-17) эклоги первой произведения Вергилия «Буколики», выполненный в 1778 году, рассматриваются буколические мотивы в оригинальном творчестве М.Н. Муравьева.

В 1771 году юным М.Н. Муравьевым (в 14 лет) написана «Эклога» с посвящением А.В. Олешеву (писатель, переводчик философских произведений, близкий знакомый М.Н. Муравьева, 1724-1788гг.), которая явно перекликается с «Буколиками» сюжетом, действующими лицами, настроением: два пастушка состязаются в пении, судит их Палемон, который в итоге присуждает победу обоим. «Эклога» еще традиционна для классицизма, подражательна, но она доказывает, что пасторальная тема близка уже тогда склонному к сентиментализму автору своей идиллической направленностью, простыми отношениями, культом чувствительной и нежной личности. Вариации на пасторальную тему звучат также в стихотворении «Возвращение весны» 1775 года. Эстетике М.Н. Муравьева близка философия буколической поэзии. Сентиментализм, зарождавшийся в недрах его творчества, расставлял свои акценты в жанровой системе с позиций чувствительности, руссоистской идеи возвращения к природе в поисках утраченной гармонии. М.Н. Муравьеву становится важен в буколиках не столько «пастушеский антураж», сколько культ уединения на лоне природы, душевный покой, чувствительный пейзаж. Кроме этого близка М.Н. Муравьеву-сентименталисту и идея противопоставления городской, порочной и суетной, жизни и мудрой сельской.

До М.Н. Муравьева по одной-две строчки из второй, третьей, пятой, шестой эклог «Буколик» переводил только М.В. Ломоносов. В 1777 году свой перевод Эклоги I опубликовал Рубан В.Г., поэт, сотрудник и издатель журналов, переводчик¹⁵. Это единственный до М.Н. Муравьева перевод первой эклоги «Буколик», к тому же неизвестно, читал ли М.Н. Муравьев труд своего предшественника.

Перевод М.Н. Муравьева начальных стихов «Буколик» демонстрирует внимательное отношение к тексту Вергилия, к передаче характеров героев и общего настроения произведения. Большую роль в этом сыграл размер первоисточника и перевода. «Буколики» написаны гекзаметром, высоким, неспешным, торжественным шестистопным размером. М.Н. Муравьев передает его русским шестистопным дактилическим гекзаметром, отражающим ореол античного гексаметра. Поэтому уместными становятся классицистические традиции перевода: многословность, тяжеловесные старославянизмы, синтаксические вольности:

Текст Вергилия:	Подстрочный перевод:	Перевод М.Н. Муравьева:
9ille meas errare boves, ut cernis,	9Он моим быкам позволил бродить, как видишь,	Он-то телицам моим бродить по пажням тучным (Зри, как они заблуждаются там),
11Non equidem invideo, miror magis: undique totis	11Я не завидую, я больше удивляюсь; отовсюду на	Пастырь, будь счастлив! Я не завидую, я удивляюсь,
12 usque adeo turbatur agris. en ipse capellas	12Всех полях идет тревога. Вот и сам коз	Что у владельцев паств их мило стяжанье отовсюду объемяют.
13protenus aeger ago:	13 Дальше гоню больной;	Я несчастный, я сам, с недугом на силу борясь, Козлищ влачу во изгнание:

¹⁵ Античная поэзия в русских переводах XVIII-XX вв. СПб., 1998. С. 270.

Автор, уже опытный переводчик, почувствовал лексико-синтаксический потенциал классицизма и ритмические возможности гекзаметра для передачи семантического и эмоционального пространства «Буколик», поэтому сориентировался на опыт классицистов-переводчиков XVIII века. И при всем том у М.Н. Муравьева встречаются удачные находки: эмоциональные яркие образы, удачные эпитеты и метафоры, что говорит о несомненном его таланте как лирического автора:

3nos patriae fines et dulcia linquimus arva.	3Мы отечества пределы и милые оставляем пастбища.	Чужды отечества, мы оставляем милые паства,
4nos patriam fugimus: tu, Tityre, lentus in umbra	4Мы бежим из отечества; ты, Титир, нежащийся в тени,	Мы оставляем отечество – ты же, о Титир, счастливец!
5formosam resonare doces Amaryllida silvas.	5Учишь леса повторять имя прекрасной Амариллиды.	Ах! в роскошной тени о любовнице воздыхаешь...

М.Н. Муравьев успешно соединил в своем переводе достижения классицизма и потенциал новых веяний сентиментализма. Уже заметна склонность автора к лиризму, психологизму, о чем говорит и выбор отрывка для перевода, и сам перевод, созданный будущим основателем нового литературного направления.

Достоинства перевода М.Н. Муравьева ярко видны при сопоставлении его работы с переводом этих же стихов Вергилия В.Г. Рубаном, который точно передал модель построения стихотворения буколического жанра. У М.Н. Муравьева язык классицизма оттесняется языком чувств: используя античные и классицистические традиции, поэт в силу своих субъективных и поэтических пристрастий более удачно, красочно донес до читателей эмоциональный план поэмы, продемонстрировав особый талант при передаче чувств героев, настроения произведения.

Во втором параграфе – *«Георгики» Вергилия и проза М.Н. Муравьева* – сопоставляются дидактическая поэма Вергилия «Георгики» и прозаические произведения М.Н. Муравьева «Эмилиево письмо» и «Обитатель предместия».

Очевидно восхищение М.Н. Муравьева Вергилием, его простотой и величием одновременно, благородством души, чувствительностью сердца, нежностью и мягкостью. Вергилий отвечал сентиментальным вкусам М.Н. Муравьева, который ценит в античном поэте великодушие и человеколюбие, заменившие «свирепую храбрость» Гомера.

Сближение в мироощущении авторов заметно в стремлении увидеть идеальное в простых и обыкновенных проявлениях жизни, поэтому для обоих главным становится мотив воспевания сельской жизни, ее простоты, естественности, благоговения труда на лоне природы.

Вергилий в 1 книге «Георгик», описывая труд земледельца, воспекает настоящего хозяина пашни, который круглый год проводит в неустанных тяжелых работах, вспахивая землю, ухаживая за урожаем, это логично подводит к одной из главных мыслей Вергилия в «Георгиках» – труд нравственно возвышает человека. Внимательный взгляд Вергилия останавливается и на отдельном земледельце, незаметном, на первый взгляд, труженике. Во II книге «Георгик» Вергилий восторженно поет гимн сельской жизни, ее миру, простоте, покою и справедливости, явно идеализируя крестьянский быт, труд, идиллически описывая процветание римской деревни.

Тема труда на лоне природы проходит и в произведениях М.Н. Муравьева «Эмилиевы письма» и «Обитатель предместия», правда, в меньшей степени, чем у Вергилия, и это вытекает из различных задач авторов: Вергилий ставил перед собой дидактические цели, он должен был приобщить римлян к труду, обратив внимание на работу земледельцев, селян. Вся эта система ценностей и представлений у Вергилия связана с его философскими взглядами, которые находят отклик у М.Н. Муравьева, стремящегося показать мудрость, простоту, красоту, гармоничность жизни человека в общении с природой. Продолжением традиций Вергилия можно назвать идиллический взгляд М.Н. Муравьева на труд сельских жителей. М.Н. Муравьев, подобно Вергилию, не проходит мимо отдельного незаметного сельского труженика. Общественная, политическая позиция Вергилия становится образцом для М.Н. Муравьева в оценке образа жизни этого простого земледельца, когда поэт заявляет о внесловной ценности человека. Исходя из поставленных задач и в силу этической и эстетической позиции, М.Н. Муравьев больше пишет о своих ощущениях, образе жизни на природе, противопоставляя ее гармоничность, простоту существованию в городе. По М.Н. Муравьеву, особый мир деревни активно воздействует на способную чувствовать личность, делает человека лучше, очищая, одухотворяя.

Жанровым своеобразием повестей М.Н. Муравьева и дидактической поэмы Вергилия является описание природы. В «Георгиках» ее жизнь осмысливается автором через быт, труд сельчан на земле. Природа у Вергилия может быть грозна, враждебна, может наводить ужас своей неукротимой силой, но всегда автор относится к ней с любовью, восторгом, преклонением перед ее красотой, силой. В отличие от Вергилия, взгляд М.Н. Муравьева на природу – это в первую очередь взгляд тонкого, чувствительного ее почитателя, которому общение с красотой необходимо, так как природа становится лекарством от усталости, жизненных трудностей, дает человеку нравственный стержень, делает его лучше, чище. Особенность М.Н. Муравьева, сближающая его с Вергилием, состоит в стремлении изобразить природу в ее конкретных земных проявлениях, зримо, в ощущениях наблюдателя, что является проявлением сенсуализма философии М.Н. Муравьева.

Таким образом, можно говорить о безусловной связи между «Георгиками» Вергилия и «Эмилиевыми письмами», «Обитателем предместия», «Берновскими письмами» М.Н. Муравьева. Влияние Вергилия обусловлено прежде всего сенсуализмом М.Н. Муравьева и нравственно-этическим характером его творчества, культом идеального, чувствительного героя. Это сказывается на настроении, тематике, идеях и образах перечисленных произведений М.Н. Муравьева. Оба автора, соединив художественность и дидактизм, пишут о природе и ее связи с человеком, об идиллии гармоничной жизни на лоне природы.

М.Н. Муравьева нельзя назвать формальным подражателем Вергилия. Следуя античным традициям, автор трансформирует их по законам времени, чтобы поразмышлять о нравственных основах жизни человека, о воспитании личности, чувствительной души, уделяя этому аспекту большое внимание. М.Н. Муравьев не ограничивается только дидактическими задачами и стремится показать движение, работу души, что позволяет рассматривать его прозу как начало сентиментализма в русской литературе.

Третий параграф – «*М.Н. Муравьев – переводчик «Энеиды» Вергилия (стихи 870-875 из 6 книги)*» – посвящен анализу перевода М.Н. Муравьевым (вторая половина 1780-х годов) отрывка из героической поэмы Вергилия «Энеида».

Именно шестую книгу, наряду с четвертой, называют «одной из вершин эпопеи»¹⁶. Во время путешествия Энея из поверженной Трои на запад умирает, не выдержав тягот пути, его отец Анхиз. Герой спускается в царство мертвых и там встречает своего любимого отца, который рассказывает сыну о судьбе его будущих великих потомков, в частности о юном Марке Клавдии Марцелле, племяннике, зяте и предполагаемом наследнике императора Августа, о чьей преждевременной смерти Анхиз скорбит. Именно этот эпизод мог заинтересовать М.Н. Муравьева по той причине, что в центре его – яркая, неординарная, достойная внимания личность, которой в эпическом произведении посвящен один из самых лирических, душевных отрывков. Перевод М.Н. Муравьева демонстрирует внимательное отношение автора к первоисточнику. Внесенные изменения выглядят органично и усиливают лирико-драматическое начало, присущее поэме Вергилия (местоимения *мой, нам*, междометие *ах*, риторическое восклицание, эмоциональная лексика *горестную, стенанья, плач, жалостный*). При этом М.Н. Муравьев постарался сохранить логику, лексико-синтаксическую организацию, стиль, эмоциональную напряженность и яркие образы «Энеиды». Анжамбеман в этом отрывке «Энеиды» является средством создания разговорной интонации. М.Н. Муравьев сохраняет этот прием лишь в одном эпизоде (8-9, 9-10 стихи), предпочитая отражать разговорность стихов Вергилия простым построением фраз, прямым порядком слов, эмоциональной лексикой, что в итоге позволяет говорить об удачном опыте М.Н. Муравьева-переводчика.

Отличаются стихотворные размеры оригинала и перевода: «Энеида» написана гекзаметром, М.Н. Муравьев переводит отрывок шестистопным ямбом.

Перевод отрывка из «Энеиды» говорит о сентиментальной направленности автора, которому стали узки рамки классицизма. Внимание М.Н. Муравьева привлек яркий и значительный эпизод поэмы, но важно и то, что мысль Вергилия, переданная достаточно точно, облечена в изящную форму, выражена чувствительным слогом.

Особенно ярко достоинства перевода М.Н. Муравьева проявляются при его сопоставлении с переводом В.П. Петрова (стихотворец, чтец императрицы Екатерины II). За счет многословных тяжеловесных синтаксических и лексических конструкций перевод 19 стихов поэмы Вергилия у В.П. Петрова достигает 28 стихов и усложняет понимание текста.

Сравнение переводов М.Н. Муравьева и В.П. Петрова обнаруживает, несомненно, большее мастерство переводчика и поэта у первого автора. Легкость и в то же время точность текста М.Н. Муравьева говорят о его литературном чутье, бережном отношении к оригиналу, поэтическом и переводческом таланте. Сохранив близость к поэме Вергилия, поэт усилил лирическую организацию «Энеиды», эмоциональное напряжение отрывка, высокое, торжественное начало произведения.

¹⁶ Шервинский С. Вергилий и его произведения // Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971. С. 21.

В *Заключении* подведены основные итоги и намечены перспективы исследования. В настоящей работе предпринята попытка рассмотрения переводов произведений Горация и Вергилия поэтом и прозаиком, знаковой фигурой XVIII века М.Н. Муравьевым в контексте ведущих литературных тенденций конца XVIII – начала XIX веков – диалога классицизма и сентиментализма.

Новаторский опыт переводов М.Н. Муравьева имел большое значение для самого поэта и для всей русской литературы начала XIX века. Явны рецепции из Горация и Вергилия в оригинальном поэтическом и прозаическом творчестве М.Н. Муравьева.

Велико значение наследия М.Н. Муравьева для развития русской литературы начала XIX века: «Предстателями за Муравьева перед духом-судьей русской поэзии и ее истории оказываются пятеро лучших – и более того – великих русских писателей с рубежа 70-80-х годов XVIII века по 20-е годы XIX-го – Державин, Карамзин, Жуковский, Батюшков, Пушкин»¹⁷.

Перспективой для теории и практики переводоведения и изучения путей развития русской литературы конца XVIII – начала XIX веков должно послужить изучение переводов М.Н. Муравьевым других античных авторов: Гомера, Сафо, Анакреона, Софокла, Еврипида, Феокрита, Каллимаха, Овидия, Катулла, Марциалла, Проперция, Теренция, Лукреция, Сенеки, Федра, Лукана.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Прокопьева Л.Б. Особенности поэтики перевода М.Н. Муравьева оды Горация «К Талиарху» (I, 9) / Л.Б. Прокопьева // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 2. – С. 14-18.

2. Прокопьева Л.Б. Перевод М.Н. Муравьевым оды 11 первой книги Горация «К Левконое» (1776 год) / Л.Б. Прокопьева // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 337. – С. 19-23.

3. Прокопьева Л.Б. М.Н. Муравьев и Вергилий / Л.Б. Прокопьева // Классическая филология в Сибири : материалы регионального научно-методического совета по классической филологии (17-19 сентября 2002 г.). – Томск, 2004. – С. 76-85.

4. Прокопьева Л.Б. М.Н. Муравьев – переводчик Вергилия (стихи 870-875 из 6 книги «Энеиды») / Л.Б. Прокопьева // Язык и культура : сб. статей XIX Международной научной конференции, посвященной 130-летию Томского государственного университета 17-20 октября 2007 г. : в 2 т. – Томск, 2007. – Т. 1. – С. 112-121.

5. Прокопьева Л.Б. Вергилий («Буколики» I, 1-14) в переводе М.Н. Муравьева / Л.Б. Прокопьева // Античный вестник : материалы Пятой международной научной конференции 29 марта 2008 г. – Алматы, 2008. – Вып. 5. – С. 170-181.

6. Прокопьева Л.Б. Философско-нравственная концепция жизни человека в переводах М.Н. Муравьева (Гораций. Сатиры, II, 6) / Л.Б. Прокопьева // Классическая филология в Сибири : материалы VI Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического

¹⁷ Топоров В.Н. Из истории русской литературы. М., 2001. Т. II : Русская литература второй половины XVIII века: исследования, материалы, публикации. М.Н.Муравьев: Введение в творческое наследие. Книга I. С. 14.

языкознания» и регионального научно-методического совета по классической филологии. – Томск, 2008. – С. 134-153.

7. Прокопьева Л.Б. Ода Горация «К Мecenату» (I, 1) в переводе М.Н. Муравьева (1775 г.) / Л.Б. Прокопьева // Язык и культура. – Томск, 2008. – № 2. – С. 44-59.

8. Прокопьева Л.Б. Тема служения Родине во второй оде книги третьей Горация «К римскому юношеству» (перевод М.Н. Муравьева) / Л.Б. Прокопьева // Язык и культура : сб. статей XX Международной научной конференции 21-24 мая 2008 г. : в 2 т. – Томск, 2009. – Т. 1. – С. 140-155.

9. Прокопьева Л.Б. Тема любви в девятой оде книги третьей Горация в переводе М.Н. Муравьева (III, 9: *Carmen amoebaeum*) / Л.Б. Прокопьева // Традиции и инновации в лингвистике и лингвистическом образовании : сб. статей. – Томск, 2009. – С. 282-290.